

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1844.

Проз. 50

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Я самъ испыталъ Турецкій Карантинъ и «со споліо» и «безъ споліо». Первый случай былъ въ Яфскомъ Карантинѣ, куда прибылъ я изъ Даміэты, города чумнаго. Тутъ дана была мнѣ морская ванна и потомъ практическое платье, а вещи все были развѣшены въ особой комнатѣ и окурены однимъ морскимъ растеніемъ, которое при горѣніи было посыпaeмо сѣрою: въ продолженіе сутокъ это повторялось нѣсколько разъ. Черезъ 24 часа, вещи были отданы и развѣшены на веревкахъ въ комнатѣ, гдѣ висѣли нѣсколько дней. При этой мѣрѣ, 15 дневный срокъ, назначенный для патентовъ опасныхъ, сокращается въ 10 дневный, считая дни вступленія и выхода. Карантину безъ споліо былъ я подвергнутъ въ Смирнѣ, куда прибылъ изъ Сиріи, гдѣ чумы уже болѣе мѣсяца нигдѣ не было, но она все еще считалась въ сомнительномъ положеніи. При этомъ случаѣ, вѣрно было платье изъ чемодановъ вынуть, разложить и развѣсить въ комнатѣ, гдѣ помѣщались пассажиры; послѣ того, оно нѣсколько разъ, въ теченіе срока, слегка прокуривалось. Платежъ за комнату на весь срокъ полагается 45 піастровъ, да гвардіону въ день по 10 піастровъ; піастръ-же Турецкій стѣдитъ около 21½ к. асс. на наши деньги.

— ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ - АЗІИ.
(Н. В. Ханькова).—Орографическій характеръ и геологическія свойства огромной впадины Земнаго Шара, называемой Среднею Азіею, ограниченной Общимъ - Сыртомъ, Ураломъ, Кашкарскими-Горами, Хинду-Кушемъ, Паропамизомъ и Кавказомъ, были и постоянно останутся существенными препятствіями полному развитію гражданскихъ обществъ, существовавшихъ и существующихъ въ означенныхъ предѣлахъ. Обширныя безводныя равнины этой части Азіатскаго

Материка, постоянно охватаются сухими массами воздуха, которыя, во времена доисторическія, втѣснили воды Океана въ нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ озеръ, а нынѣ съ жадностью высасывая влагу изъ глубочайшихъ нѣдръ геологически юныхъ бассейновъ Урала, Аму и Сыр-Дарьи, вытѣсняють изъ нихъ человѣка и постоянствомъ противудѣйствія разрушаютъ всѣ его попытки остановить этѣ пустынные завоеванія. Чингисъ-Ханъ, Тимуръ-Лянгъ и Надиръ-Шахъ, кровавыми подвигами преодолевали этѣ природныя препятствія; но созданія ихъ скоро разрушались, и политическія общества, слитыя ими въ одно цѣлое, уединялись снова въ прежнія свои границы.

Отсюда видно, что едва-ли гдѣ-нибудь гражданственность развивалась подъ такими неблагопріятными условіями, какъ въ Средней-Азіи. Впрочемъ, не смотря на незначительность развитія, изученіе характера этой гражданственности должно быть занимательно для исторіи обществъ чловѣческихъ вообще: для Россіи же особенно, потому-что наше Отечество долго находилось исключительно подъ вліяніемъ Востока и по-необходимости перенимало у него самыя несовершенства гражданскаго быта.

Гражданственность въ Средней-Азіи развивалась совершенно оригинально. Тамъ кочевые народы переходили въ осѣдность не черезъ села, а прямо строились городами, и только избыткамъ городского населенія позволяли выселяться изъ нихъ небольшими обществами. Притомъ, мѣста, гдѣ воздвигались первые города Азіатскіе, не были избираемы прихотью произвола, а опредѣлялись невозможностью занимать

другія урочища. Почему онѣ служатъ доселѣ любопытными указаніями доисторическихъ оазисовъ безпредѣльных степей Сѣверо-Западной Азіи. На каждой страницѣ исторіи Таверистана и лѣтописей Мавероннхара, видно дѣйствіе этихъ двухъ главныхъ условій проявленія Средне-Азіатской гражданственности, въ особенности же послѣдняго. Войны нѣсколько разъ стирали съ лица земли Ховарезмъ Мервъ, Бухару и Балхъ: но урочища, на коихъ они были воздвигнуты, снова привлекали жителей, и погибшіе города возставали, если не въ прежнихъ объемахъ, то по крайней мѣрѣ на прежнихъ мѣстахъ. Тѣже условія дѣйствовали и на дальнѣйшее развитіе туземной гражданственности. Древность происхожденія городовъ и удачный выборъ занимаемыхъ ими урочищъ, упрочили первенство Городскаго Управленія надъ всѣми прочими; онѣ слили понятіе о власти съ понятіемъ о городѣ въ такое нераздѣльное цѣлое, что и доселѣ ни одинъ властитель Средней-Азіи не рѣшится управлять своимъ народомъ иначе, какъ съ вершины Городскаго Кремля, изъ-за глиняной зубчатой стѣны.

Чтобы слѣдить за ходомъ гражданственности на Востокѣ, почти нигдѣ не надобно прибѣгать къ давнопрошедшему. Тамъ исторія недвижима. Столѣтія мѣняются: но предки передаютъ потомкамъ, съ жилищами, всю массу своихъ преданій и вѣрованій, которыя сохранились и долго будутъ сохраняться въ первобытномъ несовершенствѣ, какъ неприкосновенная святыня. Всего ярче отразилась эта окаменѣлость мысли въ постоянствѣ географіи этихъ странъ. Вездѣ средоточія населеній возстаютъ, развиваются, падаютъ, мѣняютъ свои имена, по мѣрѣ хода событій; въ Средней же Азіи, политическіе перевороты какъ-будто не касаются гео-

графіи. Города, упоминаемые у Абуль-Газы, Джафара Каршахійскаго, въ Тарихи Мукимъ-Хана и у другихъ, существуютъ доселѣ, кромѣ нѣкоторыхъ уничтоженныхъ безводіемъ и естественными переворотами. Къ ограниченному числу издревле существовавшихъ, почти нельзя прибавить ни одного новаго имени. Эта печальная недвижимость, приближая прошедшее къ настоящему, облегчаетъ нѣкоторымъ образомъ изученіе гражданственности; но она - же служить вѣрнымъ ручательствомъ незначительности развитія всѣхъ вѣтвей ея. Посему, чтобы составить себѣ понятіе, на-примѣръ, о Городскомъ Управленіи, надобно выбирать изъ общаго хаоса административныхъ распоряженій, укоренившихся вѣковымъ повтореніемъ, то, что по нашимъ Европейскимъ понятіямъ служить къ достиженію той или другой цѣли Городскаго Управленія, и Азіятскія привычки называть именами Европейскихъ постановленій. Въ туземныхъ нарѣчіяхъ напрасно стали-бы мы искать словъ, соответствующихъ названіямъ разныхъ отраслей Государственнаго Управленія.

Въ настоящемъ очеркѣ Управленія Городовъ Средней-Азіи, мы исключительно ограничимся Бухаріею, какъ потому, что это Ханство есть самое образованное, такъ и потому, что порядокъ, установленный въ Бухарѣ, принять съ небольшими измѣненіями, на которыя можно указать, въ Хивѣ, Хокандѣ, Ташкендѣ, и т. д.

«Городомъ» въ Средней-Азіи называютъ всякое селеніе, окруженное рвомъ, обнесенное глиняною зубчатою стѣною и имѣющее Кремль (Арикъ) и Соборную Мечеть (Мясджид-Джамигъ). Главными улицами, идущими отъ базарныхъ площадей къ городскимъ воротамъ (гузарь), городъ раздѣляетъ

ся на нѣсколько кварталовъ, которые обозначаются именами ограничивающихъ ихъ улицъ; а эти кварталы перерѣзываются небольшими тѣсными переулками (куче).

Городское имущество, не составляя исключительной принадлежности Общества, вполне зависитъ отъ Эмира, который вообще обладаетъ всѣмъ, что не отдано имъ въ частныя руки. Оно можетъ быть раздѣлено на приносящее доходъ Казнѣ, то-есть Эмиру, и на доступное общему пользованію безвозмездно. Къ первому отдѣлу относятся Караванъ-Сарай, воздвигнутые на счетъ Казны, Базары и Казенныя Бани. Ко второму принадлежатъ Мечети, Училища (Медресе), Приюты (Календеръ - Хане), Монастыри (Ханака), Кладбища, Каналы, Водоемы, Колодцы, Мосты, и наконецъ Тюрьмы. Все это воздвигается и поддерживается Эмиромъ, на счетъ доходовъ, собираемыхъ имъ съ города.

Управленіе Столицею, непосредственно завися отъ Эмира, возложено имъ на Визиря или Куш-Беги, Рейса, Мири-Шаба и Мири-Аба. Въ прочіе же города Ханства назначаются отъ Эмира Градоначальники (Хакимы), которые сами себѣ избираютъ Помощниковъ.

Участіе Визиря въ Городскомъ Управленіи состоитъ въ заботѣ объ устройствѣ торговли, вышней безопасности города, продовольствіи съѣстными припасами и надзоромъ за немусульманскимъ населеніемъ. Рейсъ наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ основныхъ правилъ Корана, за чистотою правовъ, за порядкомъ и безопасностью города днемъ. Ночью, двѣ послѣднія обязанности передаются Мири-Шабу, котораго посему Бухарцы картинно называютъ «Хозяиномъ Ночи». Ми-

ри-Абъ заботится о снабженіи города водою, и наблюдаетъ за правильнымъ орошеніемъ полей городского округа.

Въ слѣдствіе этого раздѣленія трудовъ по Городскому Управленію, всѣ означенные Главные Сановники избираютъ себѣ Помощниковъ изъ окружающей ихъ дворни, возводя въ это достоинство безъ малѣйшаго разбора поправившагося раба, наемнаго вольноотпущенника и ловкаго горожанина, привлекапаго къ себѣ угодливіостию ихъ вниманіе. Эти достойные Помощники называются «Людьми Визиря», «Людьми Реиса», и т. д., смотря потому, при комъ состоятъ. Такъ-какъ они очень хорошо знаютъ шаткость своего положенія, то стараются всякими средствами составить себѣ посильное обезпеченіе на черный день.

При Визирѣ находятся: а) Чиновники для надзора за правильнымъ отправленіемъ торговли на Базарахъ, то-есть для взиманія $2\frac{1}{2}$ процентовъ съ продажной цены всѣхъ произведеній, привозимыхъ на подвѣдомственные имъ рынки; б) Чиновники для надзора за правильнымъ отправленіемъ торговли въ Караван-Сараяхъ, каковыхъ при каждомъ Сараѣ назначается двое: они обязаны уведомлять Визиря о приходѣ каравановъ, о числѣ верблюдовъ, количествѣ тюковъ, качествахъ заключающихся въ нихъ товаровъ, и наконецъ наблюдать, чтобы ничего не было продано до очищенія пошлиной, въ полученіи которой они-же выдаютъ купцамъ квитанціи за печатью Визиря. Какъ тѣ, такъ и другіе, каждый вечеръ обязаны сдавать получаемыя ими деньги Диван-Беи или Казначею Визиря, который просто на словахъ докладываетъ Визирю о ежедневныхъ измѣненіяхъ Казны. Для утвержденія внѣшней безопасности города, Визирь опредѣляетъ Городскихъ При-

вратниковъ: они каждый день обязаны, затворивъ вѣтренныя имъ ворота послѣ вечерняго намаза, относить ключи къ Визирю, и не прежде получаютъ ихъ обратно, какъ по прочтеніи первой утренней молитвы. Для надзора за числомъ жителей немусульманскаго исповѣданія, обложенныхъ за право жительства въ городѣ особенною податью, называемою «джазія», въ кварталахъ, отведенныхъ иноверцамъ, назначаются Смотрители, которые руководствуютъ Визиря при сборѣ джазіи, что онъ обязанъ производить лично самъ, два раза въ годъ. Изъ городскихъ зданій, Визирь завѣдываетъ Караван-Сараями, Базами и Дворцами Эмира. Сверхъ-того, пустыри, находящіеся внутри города и составляющіе личную собственность Хана, находятся также нѣкоторымъ-образомъ въ зависимости отъ Визиря, какъ начальника иноверцевъ; ибо большею-частью на этихъ несчастныхъ падаетъ тяжелая обязанность покупать по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ небольшіе участки этой земли, такъ-какъ запрещеніе выселиться въ кварталы, занятые Мусульманами, лишаетъ ихъ возможности покупать домъ и земли у частныхъ владѣльцевъ.

Рейсъ исполняетъ возложенныя на него обязанности, объѣзжая городъ два раза въ день. Чиновники, число которыхъ зависитъ отъ его произвола, должны находиться почти все около него, и обыкновенно бѣгутъ попарно пѣшкомъ за его лошадыю. При этихъ объѣздахъ, онъ останавливаетъ по произволу прохожихъ правовѣрныхъ, заставляетъ ихъ читать «Фарзеганъ» или Мусульманскій Символь Вѣры, а, въ случаѣ незнанія, имѣть право тутъже, для примѣра другимъ, наказывать палками отъ 1 до 39 ударовъ включительно; въѣзжаетъ въ Караванъ-Сарай, заходитъ въ мелочныя лавки, къ извѣстнѣйшимъ «баккалямъ» или трактирщикамъ, и на-

блюдаютъ, чтобы никто не оставался дома во время указанныхъ закономъ молитвъ: а потому только-что раздастся съ 360 минаретовъ Бухары протяжное завываніе Муэззиновъ, на всѣхъ базарахъ и многолюдныхъ улицахъ можно видѣть чиновниковъ Реиса, распределяющихъ съ неистовою ревностію къ службѣ палочные удары,¹ для возбужденія въ лѣнливыхъ расположенія къ молитвѣ. Ближайшій надзоръ за нравственностію жителей, Реисъ возлагаетъ на приходскихъ Имамъ и Аксакаловъ. Последніе ежедневно даютъ ему знать о провизшествіяхъ случающихся въ подвѣдомственныхъ имъ околоткахъ, и часто невинное удовольствіе куренія кальяна, неосторожно удовлетворенное въ присутствіи шпионовъ Реиса, навлекаетъ на курителя безчисленное множество палочныхъ ударовъ; Имамы-же должны наблюдать, чтобы прихожане ихъ не предавались суевѣрному исполненію некоторыхъ обрядовъ, заветчанныхъ имъ не-мусульманскими ихъ предками и не показанныхъ въ Коранѣ, каковы, на-примѣръ, леченіе огнемъ празднованіе «чар-шамби-сунни» и т. д. По указаніямъ Имамъ и Аксакаловъ, Реисъ не рѣдко вмѣшивается въ семейныя дѣла, и выведывая, подъ фирмою закона, сокровеннѣйшія въ мусульманскомъ семействѣ тайны о красотѣ женъ, доставляетъ Эмиру средство удовлетворять безнаказанно дикій произволъ необузданнаго любострастія. Вліяніе Реиса на городъ этимъ еще не ограничивается. Онъ въ правѣ входить въ Училища, и наблюдать, чтобы Мударрисы или Профессоры не примѣшивали къ толкованію принятыхъ курсовъ какихъ-нибудь идей, чуждыхъ чистому ученію Мухаммеда: несчастные ученые, навлекшіе на себя гнѣвъ его, могутъ быть увѣрены, что обвиненіе въ расколѣ, а следовательно и смерть, будутъ окончаніемъ ихъ распри съ Реисомъ. Даже городскіе мясники, обязанные по закону убивать скотину съ

соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ обрядовъ, не иначе получаютъ позволеніе отправлять свое ремесло, какъ выдержавъ передъ Ренсомъ удовлетворительное испытаніе: и тутъ конечно лучшая часть жертвы экзамена идетъ на столъ блюстителя закона.

Съ закатомъ солнца и съ послѣдними словами намаза, Хуфтиянь Мири-Шабъ вступаетъ въ свои обязанности. Дѣятельность его главнымъ-образомъ направлена на предупрежденіе ночного разбоя, грабежа и кражи; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ онъ долженъ наблюдать и за спокойствіемъ города, то-есть чтобы нигдѣ шумныя сборища и веселья не нарушали безмятежнаго сна правовѣрныхъ. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, онъ во-первыхъ арестуетъ безъ разбора всякаго, кто попадется ему на улицѣ послѣ вечерняго намаза, и представляетъ на другой день Эмиру, который каждое утро, выходя подъ навѣсъ, устроенный на одномъ изъ дворовъ его Дворца, чинить судъ и расправу своимъ подданнымъ; во-вторыхъ, вламывается, безъ дальнихъ околичностей въ дома, откуда раздаются звуки пѣсенъ и неприхотливой Бухарской инструментальной музыки, и, захватывая пирующихъ, заключаетъ ихъ въ тюрьму до разбора вины. Команда Мири-Шаба состоитъ изъ караульныхъ, разставляемыхъ каждую ночь на всѣхъ перекресткахъ и вооруженныхъ ножами, а чаще просто палками: они должны подавать другъ-другу вѣсть, ударяя въ небольшіе бубны, и соединяться, если услышатъ бой тревоги. Каждую ночь, Мири-Шабъ два раза личнымъ дозоромъ удостовѣряется въ бдительности своихъ подчиненныхъ. Для этого онъ тѣдитъ по улицамъ въ сопровожденіи 40 или 45 служителей, и по временамъ ударяетъ въ литавры, приделанныя къ передней лукѣ его сѣдла: всѣ караульные близъ-лежащихъ перекрест-

ковъ, по мѣрѣ приближенія его къ нимъ, отвѣчаютъ ему также ударами въ бубны; и эта мѣра не только не останавливаетъ воровъ, но позволяетъ имъ заблаговременно укрыться и переждать отъѣздъ Мири-Шаба изъ квартала, гдѣ они хотѣтъ дѣйствовать. Караульные выбираются или изъ дворни Мири-Шаба, или выставляются, по его приказу, домохозяевами; въ Караван-Сараяхъ, обязанность эта болѣею-частью возлагается на Сарай-Бана, или дворника. Здѣсь нельзя не упомянуть о важной помощи, оказываемой Бухарской Полиціи собаками: въ нѣкоторыхъ кварталахъ ихъ столько, что конечно ни одинъ разбойникъ, незнакомый лично съ этими черберами, не рѣшится туда отправиться ночью. Впрочемъ, къ чести Бухарскихъ домохозяевъ, нужно замѣтить, что днемъ собакъ они запираютъ; потому несчастія отъ укушенія ихъ рѣдки. Изъ городскихъ зданій, однѣ только Тюрьмы подчинены непосредственному завѣдыванію Мири-Шаба. Онъ долженъ каждую пятницу докладывать Эмиру о состояніи содержимыхъ въ нихъ преступниковъ, и въ тоже время представляетъ Хану всѣхъ подвергшихся тюремному заключенію въ теченіе недели, о коихъ не сдѣлано еще никакого рѣшенія. Завѣдываніе Тюрьмами доставляетъ Мири-Шабу немаловажный доходъ: потому что Эмиръ никогда въ нихъ не заглядываетъ; а Мири-Шабъ большую часть денегъ, отпускаемыхъ ему на починку зданій и продовольствіе содержимыхъ, обращаетъ въ свою собственность, будучи совершенно увѣренъ въ безнаказанности.

Должность Мири-Аба въ городѣ ограничивается наблюдениемъ, чтобы лѣтомъ каждую неделю, а зимою каждыя двѣ и три недели, была впускаема новая вода въ городскую канаву и водоемы. Ему же порученъ главный надсмотръ за

чистою канавы, что производится каждую весну работниками, выставляемыми хозяевами домов, расположенных на набережной Шахри-Руда.

Въ заключеніе этого очерка Городскаго Управленія въ Бухарь, остается упомянуть о двухъ вредныхъ классахъ, составляющихъ значительную часть населенія города и неподчиненныхъ прямо ни одному изъ поименованныхъ Сановниковъ. Это: нищие и прокаженные.

Нищие на Востокъ вездѣ образуютъ особенное сословіе или братство, которое въ разныхъ мѣстахъ носитъ различныя названія, какъ на-примѣръ Дервишей, Факировъ, Календарей и т. п. Это стремленіе къ ассоціаціи придаетъ ихъ существованію видъ нѣкоторой законности; а потому Правительство вездѣ болѣе или менѣе заботится о ихъ содержаніи. Во всей Средней-Азіи на общій счетъ воздвигаютъ для нихъ Приюты (Календеръ-Хане), въ которыхъ они живутъ сколько хотятъ, не платя ничего за постой, и уходятъ, никому не давая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Бухарь надзоръ за ними порученъ Старшинѣ, который обыкновенно выбирается Эмиромъ. Четвергъ и воскресенье назначены имъ для собиранія милостыни: въ эти дни они раздѣляются на колонны, и, подъ предводительствомъ самыхъ неистовыхъ крикуновъ, ходятъ по улицамъ города, съ дикимъ воплемъ бросаются подъ ноги лошадей зажиточныхъ проезжихъ, почти насильно добываютъ подаваніе, поютъ передъ домами богачей гимны во славу Пророка и угодниковъ, и измученные возвращаются домой. Одежда ихъ довольно живописна: голову покрываютъ они высокими коническими колпаками; на плечи набрасываютъ старые халаты съ яркими разноцвѣтными заплатами; а колонно-

вожатые ихъ нерѣдко, для большаго эффекта, сверхъ халата въшаютъ себѣ на спину и на грудь барсовыя и тигровыя кожи. Въ прочіе дни недѣли, они высылаютъ, для сбора пропитанія на всю братію, одинокихъ промышленниковъ. Для этого обыкновенно выбираются дряхлые старики, слѣпые, люди искаженные оспою и венерическими болѣзнями и «юродивые» (диване). По утру разводять и усаживаютъ ихъ подлѣ домовъ на самыхъ многочисленныхъ улицахъ: и тутъ, просиживая до вечера, они пѣвѣмъ молитвъ, призываніемъ благословенія на прохожихъ, или жалобными стопами, добываютъ себѣ ничтожную милостыню. На базары высылаются сказочники, которые, цѣлый день, не жалея легкихъ, подлѣ жгучими лучами солнца 39 градуса широты, однообразнымъ, пѣвучимъ голосомъ, разказываютъ разныя небылицы, находящія на Востокъ всегда жадныхъ слушателей: дневной жаръ и фанатическое участіе въ герояхъ вымышленныхъ событій, доводятъ ихъ иногда до изступленія, такъ-что нерѣдко, съ пѣною у рта, падаютъ они на землю, обещая продолженіе впредь. Въ другихъ городахъ Ханства, гдѣ ханжество не такъ сильно какъ въ Бухарѣ, Календари показываютъ модели гроба Пророка и планы Мекки и Медины, сдѣланные изъ дерева, или изображенія наказаній, ожидающихъ на томъ свѣтѣ кляфировъ и грѣшныхъ. Въ Карши, мнѣ случилось видѣть Календерей въ качествѣ медвѣде-вожатыхъ, которые на-подобіе нашихъ Нижегородцевъ, заставляли плясать своего неуклюжаго питомца, вѣроятно приведеннаго съ высотъ Хинду-Куша или Памира.

Прокаженнымъ отведенъ особый кварталъ. Такъ-какъ несчастные, зараженные проказою, считаются людьми, отверженными Богомъ: то никто изъ здоровыхъ не входитъ въ

ихъ положеніе. Они имѣютъ свои базары, лавки, и свою полицію: всѣ боятся ихъ, какъ зачумленныхъ; и только этотъ страхъ удерживаетъ нѣкоторымъ образомъ разпространеніе заразы, потому-что нерадивое Правительство не позаботилось даже отгородить стѣною эту опасную полосу городского населенія, и здоровые бѣдняки селятся вплоть около зараженныхъ.

Несмотря на то, что присмотръ за городомъ въ Бухарѣ порученъ столькимъ лицамъ, нигдѣ русская пословица о «десяти нянькахъ» не можетъ быть такъ удачно примѣнена, какъ здѣсь. Надзирателей много, а надзора нѣтъ. Домохозяева не подчинены никакому управленію: каждый строится, гдѣ можетъ и какъ хочетъ; оттого улицы узки и кривы. До чистоты никому нѣтъ дѣла: все, что ненужно дома, выбрасывается для пользы и удовольствія проходящихъ на улицу; и хотя въ Бухарѣ нѣтъ примѣровъ такой отвратительной нечистоты, которую Конолли видѣлъ въ Гератѣ, тѣмъ не менѣе случается иногда перѣзжать цѣлыя лужи крови, оттого что мясники отправляютъ свое ремесло, гдѣ хотятъ: особенно часто случается видѣть это передъ большими мусульманскими праздниками, когда вдругъ спросъ на свѣжее мясо быстро возрастаетъ. Въ канавахъ купаютъ лошадей, моютъ бѣлье, вымачиваютъ шелкъ и хлопчато-бумажныя ткани; оттого вода, рѣдко перемѣняемая, становится вредною, и неосторожные потребители никогда не избѣгаютъ «ришты». Поверхность улицъ и площадей также предоставлена произволу судьбы, и хотя нѣкоторые изъ нихъ вымощены огромными камнями, но эта мостовая, никогда не подновляемая и не перѣдѣлываемая, служить только препятствіемъ и затрудненіемъ къ скорой и безопасной ѣздѣ по городу, потому-что ежеминутно или выбившійся камень перевернется подъ ногами ло-

пади, или она спотыкнется объ оголившуюся каменную глыбу. Весною нѣкоторыя улицы становятся рѣшительно непроходимыми: со всѣхъ возвышенностей скопляется въ нихъ вода; а какъ грунтъ земли въ Бухарѣ глинисто-солонцоватый, слѣдовательно весьма медленно всасывающій влагу, то и предоставляется одному солнцу высушивать эти искусственныя болота, отчего не рѣдко окрестные жители заражаются на все лѣто лихорадкою. Сверхъ-того, матеріалъ на строеніе позволяется брать вездѣ; а потому лѣнныя работники предпочитаютъ копать глину вплоть около сооружаемаго дома изъ улицы: отчего образуются ямы, которыя никто не равняетъ, предпочитая лучше обѣзжать ихъ, пока время и дожди загладятъ эти рытвины. Набережныя каналы нигдѣ не имѣютъ перилъ, и берега ихъ ничѣмъ не укрѣплены; оттого часто верблюды съ тюками, а лошади и ослы съ сѣдоками, минуя какое-нибудь непроходимое пространство, обрываются въ воду, которая къ счастью не глубока. Заботы Правительства о безопасности также недействительны: потому-что караульные Мири-Шаба ходятъ дозоромъ по улицамъ, а воры и мошенники прогуливаются по плоскимъ кровлямъ домовъ, и могутъ такимъ-образомъ пройти куда хотятъ, потому-что на всякой улицѣ есть по-крайней-мѣрѣ одинъ навѣсъ, соединяющій противоположныя дома. Точно также недействительны мѣры принимаемыя Эмиромъ и его Помощниками для продовольствія города: онѣ имѣютъ въ виду одно настоящее, и когда голодъ, какъ на-примѣръ въ 1844 году, въ расплохъ напалъ на Бухару, то Ханъ ничего лучшаго не придумалъ, какъ велѣть сломать житницы частныхъ людей и продавать найденный тамъ хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, но въ пользу Казны. Этотъ несчастный порядокъ, общій всемъ го-

роламъ Средней-Азіи, былъ, есть и долго останется неизмѣннымъ. Мусульманство, введя въ управленіе свое фанатическое духовенство, мало коснулось кореннаго порядка, существовавшего прежде, а только окаменяющимъ своимъ вліяніемъ закрыло ему всякую возможность усовершенствоваться.